

Люди. Годы. События

ПАРИШКЕ было четырнадцать. Ходил в школу, верховодил сверстниками и носил громкий титул «профессора Самойловича». Газеты тогда много писали о русских и норвежских путешественниках, которые пытались пробиться к Северному полюсу. Называли имена легчика Нухцовского, профессора Самойловича. Вот и появился в подмосковном городе Орехово-Зуеве свой «Самойлович», которым в самом деле был Алешка Гусев.

Он тоже, но тайне от взрослых, организовал «экспедицию» на Северный полюс. Насушили ребята сухарей, уложили их в холщовые котомки и... на поезд. Беглецов быстро поняли, снимали из вагонов. Только «профессор» проскочил кордон. Он был опытный, Лешка Гусев, еще до «профессорства» знал, как добраться до Москвы. И Москву знал, что

спекулянтов на толкучках и беспризорных ребятшек, которые бросались в мусорную яму за кусками хлеба... Тут и повстречался ему «тиничный» голодающий мальчишка из красной России». И отнял его заграничный господин крупным планом.

Судьба Алексея Гусева

КОГДА «экспедиция» на полюс провалилась, а ее организатор лишился громкого «профессорского» титула, беспокойная, ищущая натура парнишки потребовала нового применения. Сначала Леша не знал, к чему приложить энер-

творцов новой действительности.

Сочинение о Челкаше писали четырнадцать мальчишек и девчонок. Большинство юных авторов сделали вора и хозяйственного мужика добрыми друзьями. А вот «четырнадцатилетний Гусев даже увеличил срок встречи до 20 лет для того, чтобы заставить Челкаша воевать против Махно».

Нет, не знал об этом Леша,

Борвался в траншею, завалась рукопашная. Фашисты дрогнули. Но в этот миг фашистский офицер успел выстрелить в политрука. Падая, он ответил короткой автоматной очередью. Немцы свалились.

Политрук еще раз хотел крикнуть «Вперед!», но язык не подчинился. Приподнявшись, выплюнул кровь и зубы. Защуршала мина, и политрук инстинктивно дернувшись, закрыл локтем автомата голову. Треск мины. Автомат выпал из перебитой руки.

Санитар взвалил политрука на волокушу. И, когда вытягивал, еще один шальной осколок впился в ногу раненого.

Вот документ:

«В боях за Советскую Родину ст. лейтенант 687-го стрелкового полка тов. Гусев Алексей Алексеевич 25 января 1948 года был тяжело ранен в лицо, правую кисть и мягкие ткани правого бедра».

Это было на окраине горящего Воронежа.

Долгие месяцы провел Гусев в госпитале. На фронт врачи его не отпустили. Он вернулся в тот театр, откуда дважды уходил на войну — сначала добровольно против белофинов, а вторично — против фашистов.

Вернулся Гусев в Чебоксары.

ПРИШЕЛ на спектакль «Соловьиная ночь». Алексей Гусев играл старшину Кузовкова. Образ такой, которому я, фронтовик, охотно верю. Именно такого старшину я видел с первых дней войны и до последних. Мне почему-то старшина военный в мирное время представляется председателем колхоза или директором совхоза. Об этом я и сказал актеру после спектакля.

— Кем бы ты стал, старшина Кузовков, после войны?

— Если бы Кузовковым был действительно я, то теперь стал бы, пожалуй, агрономом в Воронежском сельскохозяйственном институте. Там, на склонах оврага, которые мы перепахали саперными допатами, я вырастил бы сад. И на каждой яблоньке и вишенке повесил бы табличку с названием, кто тут сражался, кто погиб, а кто был ранен. Ты ведь знаешь, хотя я и был политруком роты, но помню каждого бойца, и где он какую боевую ячейку занимал, и какой был сектор ведения огня, какие ориентиры... Наша дивизия сформированная в Чувашии, шесть месяцев обороняла Воронеж. Там, в землянках окопавшись, Яков Ухсай написал поэму «Письмо бойцов и командиров Н-ской дивизии чувашскому народу». Яков Гаврилович дошел с боями до Праги. А последние фронтовые дни закончил в Воронеже. Меня ранило в день освобождения города. Только, на мой взгляд, формулировка насчет освобождения не совсем точна. Воронеж не был сдан.

— Ты не был там с той поры?

— Не был, хотя и приглашения присылали. Да ведь, сам понимаешь, работа, театр, репертуар... Кстати, и ты не был там с той поры, а еще истребительный противотанковый отряд сформировал на тамошнем стадионе, и в госпитале воронежском тебя раненого выхаживали.

— Что ж, Алеша, давай все-таки выберем времечко и махнем в Воронеж!

Николай СТУРИКОВ.

г. Чебоксары.

На снимках: слева таким он был в далеком двадцатом (кадр из кинофильма «Эркол»). Справа: А. А. Гусев — заслуженный артист Чувашии,

как не думал и о том, что, когда в Москве будут готовить встречу пионеров с Горьким, музыковед Поляновский вспомнит и об оркестре орехово-зуевских ребят.

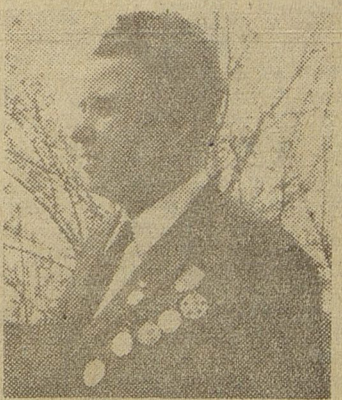
И вот огромный переполненный зал. В нем как будто все расцвело, засияло, заиграло улыбками. А Горький любовно и ласково смотрит на ребят. А потом — концерт. Играл «Светит месяц», «Ах, вы, сени, мои сени», «Во саду ли, в огороде...».

В антракте Горький спросил Лешку:

— А ноты вы знаете?

— Нет, Алексей Максимович, мы на слух играем.

Через несколько дней в Орехово пришла объемистая посылка, а в ней ноты, самоучители игры на различных инструментах.

ОН не собирался стать артистом и не думал об этом. Он жил в городе текстильщиков, где школа фабрично-заводского ученичества, в которой Гусев готовился получить профессию ткача.

Перемена произошла неожиданно. В городском театре не нашлось подходящего актера на роль парнишки в «Ярости» Ю. Яновского. А спектакль этот очень хотелось поставить. И тут кто-то вспомнил про Лешку — «профессора Самойловича».

— Этот все может, — убеждали режиссера.

Сделали пробу, начались репетиции.

Состоялась премьера. Роль парню удалась. И направили его в театральную студию.

Потом молодой актер — в Брянске. А с тридцати девятого года — русский драматический театр в Чебоксарах. Отсюда и уходил на две войны.

БОЛЬШОЙ город лежал в развалинах, над ним полыхали пожары, тяжелые густые тучи дыма заволокли небо. Над каждым клочком земли свистели пули, надсадно щуршали снаряды и мины.

— Вперед! — политрук вскинул автомат.

Четвертый раз стрелковая рота кинулась в атаку. А в роте оставалось меньше половины бойцов.

называется, до сих пор.

У отца в семье было девять малышей, а время стояло трудное, голодное. И бойкий, шустрый Алешка решил сам зарабатывать на хлеб.

Где-то на московском вокзале кому-то поднесет чемодан, на рынке-толкучке перед кем-то лихо сыплет, или споет под балалайку, а то и фокус покажет. Глядишь, и явится домой не с пустыми руками.

Однажды на Смоленской толкучке какие-то хорошо одетые господа рассматривали псевдомые ящики-аппараты на треногах. Поглазеть на диковинку собрались мальчишки-сорванцы: И Лешка тоже. В нахлобученной шапке, в заплятанном зипуне, в больших отцовских варежках.

И вдруг хорошо одетые дяди неожиданно начали кидать куски хлеба в мусорную яму. И хлынули туда, отталкивая друг друга локтями, мальчишки — беспризорники. А Лешка — он опытный, успел поймать кусок на лету, уцепился за него и прижал к груди отцовскими варежками. А сам смотрит, раскрыв глаза удивленно и непонимающе. Один дядя, нацелив на него ящик со стеклом, крутит над треногой ручку, как-то у шарманок бывает.

Эх, знал бы Лешка в тот момент, что он работает на «политику», ни за что б его не удержали на месте.

А «политика» очень нехитрая и очень грязная.

Французский господин Эрколл, оператор буржуазной киностудии, снимал фильм для своих хозяев. Он должен был убедить своей лентой, что разоренная красная Россия не сумеет подняться на ноги, если Запад ей не поможет. Господин Эрколл снимал то, что ему было выгодно: голод в Поволжье, хмурые Ленинград,

тию. А потом мелькнула мысль: «Струнный оркестр!».

Музыканты обрели призвание. «Ладно, хоть делом занялись», — говорили взрослые. А мальчикам стало тесно выступать только в своем городе. Решили пробиться в Москву. «Что мы, хуже других!».

И заявила шумная орехово-зуевская ватага в редакцию «Пионерской правды». Здесь оркестр прослушали. Был среди слушателей музыковед Георгий Александрович Поляновский. Он-то и помог сделать так, чтобы ребята выступили по радио. И в газете об этом написали, да еще снимок поместили.

От радости Леша был на седьмом небе.

А вскоре новая, небывалая радость. В Москву из Италии приехал Алексей Максимович Горький, и теперь всюду говорили только о нем. Школьники штурмовали учителей: «Где Горький? Пригласите к нам в школу Горького! Хотим в гости к Горькому!».

Леша Гусев тоже хотел увидеть Горького, но на счастье не надеялся. Невдомек парню было и то, что незадолго до возвращения на Родину великий писатель прочитал его школьное сочинение и даже написал об этом несколько слов.

Дело в том, что сочинения орехово-зуевских школьников были посланы Алексею Максимовичу в Сорренто. И Горький в ответном письме назвал опыт учительницы глубоко интересным и поучительным. Она «этим приемом удачно заставила детей пройти сквозь отражение жизни в литературе и встать непосредственно перед лицом самой жизни, но уже не в качестве «читателей» о ней, а как бы в качестве активных